

Подписка специалиста

Мне, Жаркову Игорю Вениаминовичу, адвокатским запросом адвоката И. Ю. Павлова разъяснены права и обязанности специалиста, предусмотренные ст. ст. 58, 80 УПК РФ, и уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

_____ И. В. Жарков

Заключение специалиста № СЭ-93/16

г. Санкт-Петербург

«10» октября 2016 г.

Время производства экспертного лингвистического исследования:

Исследование начато 27 июля 2016 г. в 14 часов 00 минут.

Исследование окончено 10 октября 2016 г. в 19 часов 30 минут.

Место производства экспертного лингвистического исследования: Санкт-Петербург, Придорожная аллея, д. 31, кв. 15.

Основание производства экспертного исследования: адвокатский запрос адвоката И. Ю. Павлова, являющегося защитником Н. Г. Шариной по уголовному делу № 386052, находящемуся в производстве Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве.

Сведения о специалисте: Жарков Игорь Вениаминович —

- начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС);
- образование высшее филологическое (лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка, диплом с отличием РВ № 579491);
- кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом кандидата филологических наук КТ № 017433 от 27.10.1995 г.);
- стаж научной деятельности и работы по специальности — 29 лет;
- действительный член ГЛЭДИС;
- член правления ГЛЭДИС;
- свидетельство эксперта № 063-01/14-сэ от 27.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 27 января 2014 г., протокол № 55;
- является одним из авторов методических рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы, используемых в практике Роскомнадзора: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора);
- имеет благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам.

В распоряжение специалиста для производства исследования предоставлены следующие **материалы**:

- копия **заключения** от 20.04.2016 о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы, составленного экспертом Е. Ф. Тарасовым, на 28 л.;
- копия **постановления о назначении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы**, вынесенного 24 ноября 2015 г. следователем по особо важным делам четвертого следственного отдела управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве подполковником юстиции Е. А. Евменовым в рамках расследования уголовного дела № 386502, на 10 л.;
- копия **протокола** от 25 декабря 2015 г. **ознакомления обвиняемой** Н. Г. Шариной и ее защитников И. Ю. Павлова и Е. Е. Смирнова **с постановлением о назначении судебной экспертизы** по указанному делу, на 2 л.;
- копия **постановления о полном отказе в удовлетворении ходатайства**, вынесенного 28 декабря 2015 г. следователем по особо важным делам четвертого следственного отдела управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве подполковником юстиции Е. А. Евменовым в рамках расследования указанного уголовного дела, на 2 л.;
- копия **постановления о привлечении Н. Г. Шариной в качестве обвиняемой** по указанному уголовному делу, вынесенного 07 июня 2016 г. следователем по особо важным делам управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве капитаном юстиции Н. А. Кондратовым, на 7 л.;
- копия **рапорта** по указанному уголовному делу следователя по особо важным делам управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве капитана юстиции Н. А. Кондратова на имя заместителя руководителя управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве подполковника юстиции А. В. Спесивцева от 18.04.2016, на 2 л.;
- копия **протокола допроса эксперта** Е. Ф. Тарасова по указанному уголовному делу от 29 апреля 2016 г., на 5 л.;
- копия **устава ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»**, утвержденного приказом № 168 Федерального агентства научных организаций от 08.07.2014, на 21 л.;
- копия **постановления о привлечении Н. Г. Шариной в качестве обвиняемой** по указанному уголовному делу, вынесенного 14 сентября 2016 г. следователем по особо важным делам первого следственного отдела второго управления по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве капитаном юстиции Т. Б. Блиновым, на 12 л. (предоставлена дополнительно 26.09.16);
- копия **протокола дополнительного допроса эксперта** Е. Ф. Тарасова по указанному уголовному делу от 29 августа 2016 г., на 16 л. (предоставлена дополнительно 26.09.16);
- копия **письма** ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», исх. № **14405-01-161** от 01.09.2016 за подписью ученого секретаря В. И. Карпова, на 1 л. (предоставлена дополнительно 26.09.16).

Перед специалистом-лингвистом поставлены следующие вопросы:

- оценить достоверность выводов эксперта Е. Ф. Тарасова в представленном заключении от 20.04.2016 о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы;
- оценить обоснованность выводов эксперта Е. Ф. Тарасова в представленном заключении от 20.04.2016 о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы;
- оценить соответствие представленного заключения от 20.04.2016 о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Цитируемые методические источники:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). — 2-е изд., испр. и доп.. — М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
4. О. Е. Фролова, Е. В. Щенникова. Обиходное и правовое понимание экстремизма. // Судья, № 5, 2014 г., с. 26–29.
5. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
6. Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
7. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.

Иная научная и методическая литература:

1. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
3. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
4. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
5. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
6. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
7. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.

8. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
9. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
10. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
11. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
12. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
13. Язык вражды против общества: Сб. ст. /М.В. Кроз и др. - М., 2007.
14. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007.
15. С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. Квалификация преступлений экстремистской направленности / отв. ред. — засл. деят. науки РФ, д. ю. н., проф. Н. И. Ветров. — М.: Волтерс Клувер, 2011.
16. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.

Исследование выполнено **в форме рецензирования** представленного заключения от 20.04.2016 о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы, составленного экспертом Е. Ф. Тарасовым.

По мнению специалиста (далее также *рецензента*), для оценки представленного на исследование документа как доказательства по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа, он представляет собой заключение эксперта, составленное на основании постановления следователя о назначении комплексной экспертизы, вынесенного в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность

состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, под-

лежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);

- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данном заключении для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и экспертизу отказано в их до-

полнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;

- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Особенности производства **комплексной судебной экспертизы** регламентируются ст. 23 указанного закона, определяющей комплексную судебную экспертизу как экспертизу, производимую комиссией экспертов разных специальностей (это означает, что комплексная экспертиза является частным случаем **комиссионной экспертизы** и должна проводиться не менее чем двумя экспертами — ср., например, формулировку ч. 1 ст. 200 УПК РФ). Ст. 23 указанного закона предусматривает:

«В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвующий в производстве

комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Если основанием общего вывода являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть указано в заключении».

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;

3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленных на исследование документов является их соответствие описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов.

При назначении судебной экспертизы лицо, назначающее ее, сообщает эксперту **сведения об установленных по делу обстоятельствах**, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед экспертом вопросы. При производстве судебно-экспертного исследования эксперт учитывает эти обстоятельства, опирается на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные.

Поэтому в целях обеспечения требования объективности (проверяемости результатов, их воспроизводимости) судебно-экспертного исследования, установленного, в частности, ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в заключении эксперта всегда отражаются те сведения об обстоятельствах дела, которые были сообщены эксперту при назначении экспертизы.

В представленном на исследование заключении такие сведения, равно как ссылки на них, **отсутствуют**. Таким образом, в рецензируемом заключении отсутствует часть исходных данных, которые находились в распоряжении эксперта при производстве экспертизы.

Данное обстоятельство ставит под **сомнение объективность** представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-экспертной деятельности, поскольку объективность исследования является одним из общих принципов научного познания и ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением, а неполнота исходных данных в общем случае препятствует такому воспроизведению.

Из содержания представленных для производства исследования документов вытекает, что эксперт Е. Ф. Тарасов является сотрудником ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук». Устав указанного института (п. 24.1) содержит сведения о

том, что к числу видов деятельности, которые вправе осуществлять институт, но которые не являются для него основными, относится судебно-лингвистическая экспертиза. Сведений о том, что к числу видов деятельности института относится культурологическая, а равно психологическая судебная экспертиза, устав ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук» не содержит.

Ст. 11 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержит определение понятия государственных судебно-экспертных учреждений как узко специализированных учреждений, в именно: учреждений федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданных для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы.

Указанная статья определяет также особый статус экспертных подразделений, созданных федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, каковые подразделения де факто приравниваются к государственным судебно-экспертным учреждениям.

Поскольку учреждение науки «Институт языкознания Российской академии наук» не является учреждением, созданным для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы, и к числу основных видов его деятельности не относится производство судебной экспертизы, оно не удовлетворяет приведенному определению государственного судебно-экспертного учреждения и не имеет соответствующего статуса.

Соответственно, **процессуальный статус Е. Ф. Тарасова** в рамках уголовного дела № 386502 определяется как **негосударственный судебный эксперт**.

Представленный на исследование документ — «заключение о проведении комплексной культуролого-лингвистической и психологической судебной экспертизы» эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 (в дальнейшем также **рецензируемое заключение, спорное заключение**), относится к жанру экспертных заключений, представляющему контаминированный тип речи, поскольку этот жанр находится на стыке научного и официально-делового стилей современного русского языка. Заключение эксперта императивно регламентируется требованиями процессуального законодательства, а также закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», оказывающими непосредственное влияние на форму и содержание заключения.

Из содержания представленного для производства исследования постановления следователя Е. А. Евменова о назначении экспертизы вытекает, что экспертиза, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, была назначена как комплексная, что соответствует также содержанию заголовка рецензируемого заключения.

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г.:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство **лингвистической** экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (**психологи**, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи **и др.**). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Во вводной части рецензируемого заключения содержатся сведения о том, что Е. Ф. Тарасов является доктором филологических наук (конкретная специальность не указана), профессором, специалистом в области психолингвистики, владеющим научным ап-

паратом психолингвистики и семантики, владеет украинским языком (читает и переводит со словарем), а также о стаже работы по специальности. **Сведения об образовании отсутствуют, что нарушает норму ст. 25 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».** Сведений о наличии у эксперта Е. Ф. Тарасова каких-либо экспертных специальностей рецензируемое заключение не содержит.

Вид экспертизы, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, установлен следователем, согласно определению о ее назначении, как «комплексная культуролого-лингвистическая и психологическая», что предполагает обязательное привлечение к производству экспертизы специалистов в областях (1) лингвистики, (2) культурологии и (3) психологии.

Специальность эксперта Е. Ф. Тарасова (психолингвистика) соответствует требованиям о привлечении к производству экспертизы специалистов в области лингвистики и психологии, не соответствует требованию о привлечении к производству экспертизы специалиста в области культурологии.

Как показано выше, действующее законодательство рассматривает комплексную экспертизу как частный случай комиссионной экспертизы, тем самым устанавливая, что комплексная экспертиза должна проводиться не менее чем двумя экспертами разных специальностей. Производство экспертом Е. Ф. Тарасовым комплексной экспертизы как единичной, таким образом, **грубо нарушает** требования **ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**, определяющей комплексную судебную экспертизу как комиссионную судебную экспертизу, проводимую экспертами разных специальностей.

Из содержания постановления следователя Е. А. Евменова о назначении экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, вытекает, что в распоряжение эксперта Е. Ф. Тарасова были предоставлены литература и иные материалы, изъятые 28.10.15 в ходе обыска в помещениях ГБУК г. Москвы «Библиотека украинской литературы», представленные списком из 157 элементов.

В рецензируемом заключении эксперт Е. Ф. Тарасов указывает, тем не менее, что в его распоряжение были предоставлены лишь 24 из указанных 157 изданий и иных материалов, перечисленных в указанном списке, содержащемся в постановлении следователя. Прочие 133 издания в рецензируемом заключении не упоминаются.

Сказанное с определенностью свидетельствует о том, что если содержащиеся в постановлении следователя Е. А. Евменова сведения о предоставленных в распоряжение эксперта материалах соответствуют действительности (в действительности на экспертизу было представлено 157 печатных изданий и иных подлежащих исследованию материалов), при производстве экспертизы, по результатам которой было составлено рецензируемое заключение, эксперт не провел исследования в полном объеме, тем самым **нарушив принцип полноты** экспертного исследования, закрепленный ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и включив в заключение **ложные сведения** об объеме представленных на исследование материалов.

Из содержания представленного специалисту рапорта следователя Н. А. Кондратова от 18.04.2016 вытекает, что в распоряжении эксперта находились 157 единиц материалов, в отношении которых перед экспертом были поставлены вопросы следствия, однако, поскольку, как установил следователь «в ходе общения 18.04.2015 с экспертом», «в период с 24.11.2015 по 18.04.2016, из 157 изданий исследовано 24», следователь Н. А. Кондратов полагает возможным окончить производство экспертизы, о чем докладывает в указанном рапорте вышестоящему должностному лицу для принятия соответствующего решения.

Рецензируемое заключение не содержит сведений об общении между экспертом и следователем Н. А. Кондратовым, состоявшемся 18 апреля 2016 г. Поскольку ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержит прямой запрет эксперту на вступление в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела, в случае, если содержащиеся в упомянутом рапорте следователя Н. А. Кондратова от 18.04.2016 сведения о его личном общении с экспертом соответствуют действительности, отсутствие в заключении сведений о факте и содержании этого сеанса общения может рассматриваться как обстоятельство, ставящее под сомнение незаинтересованность эксперта Е. Ф. Тарасова в исходе дела, а следовательно, **нарушает норму ст. 16 указанного федерального закона.**

Поскольку ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержит прямой запрет эксперту сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших, а следователь Н. А. Кондратов не является по отношению к рецензируемому заключению лицом, назначившим экспертизу, если содержащиеся в упомянутом рапорте следователя Н. А. Кондратова от 18.04.2016 сведения о его личном общении с экспертом соответствуют действительности, сообщение экспертом следователю Н. А. Кондратову сведений о результатах экспертизы (а именно: о том, что по состоянию на 18.04.2016 из 157 представленных на экспертизу изданий исследовано 24) **нарушает норму ст. 16 указанного федерального закона.**

Согласно ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Согласно ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований **с указанием примененных методов.** При описании методики исследования эксперт определяет адекватный стоящим перед ним экспертным задачам понятийный аппарат, которым он пользуется при изложении в заключении хода и результатов проведенного им исследования.

В лингвистической экспертизе по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, в частности, проводится исследование, направленное на установление подлинного содержания спорных фрагментов текста, свойства которых выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация, утверждение, мнение*, употребляемых в лингвистической экспертизе в специальных значениях, которые могут быть отличными от общепринятых в языкознании; кроме того, многие термины в традиционной лингвистике, такие как *высказывание, предложение, слово*, вообще не имеют общепринятых дефиниций и по-разному определяются представителями разных лингвистических школ и направлений. Поэтому важной частью заключения лингвистической (а следовательно, и комплексной культуролого-лингвистической и психологической экспертизы) является такое **описание** применяемого экспертом-лингвистом **терминологического аппарата**, которое является достаточным для **однозначного понимания текста заключения.**

Так, в большинстве известных методических разработок в области лингвистической экспертизы (например, [1, с. 135–146; 2, с. 45–54]) применяются приведенные ниже или близкие им **определения**, описываемые в заключении эксперта **во взаимосвязи с**

правовыми понятиями, имеющими значение для конкретного гражданского, уголовного или иного дела.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие. Оценочный компонент информации носит субъективный характер, отражает точку зрения говорящего, которая может совпадать либо не совпадать с принятыми в обществе взглядами;
- **концептуальной** — теоретико-аналитическая информация о природных или социальных закономерностях;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Информация нейтральная — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в стандартной картине мира не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки «хорошо» и «плохо»).

Информация положительная (позитивная) — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества.

Информация отрицательная (негативная) — информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельности, а также поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация называется **порочащей** в отношении субъекта информации — лица, к которому она относится. Если негативная информация соответствует действительности, то такая информация называется **позорящей** в отношении субъекта информации.

Негативная информация может носить как обобщающий характер (негативная оценка лица, его качеств или деятельности в целом), так и характер фактический (говорящий сообщает сведения о конкретных действиях, поступках лица, которые отрицательно его характеризуют).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте.

Текст - максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Достоинство — сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в его собственном сознании. Достоинство — это не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным или моральным нормам, но прежде всего — ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство). Достоинство рассматривается Конституцией Российской Федерации как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность. Достоинство — это положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки.

Деловая репутация — приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица. Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (например, для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в соответствующей области деятельности.

Следует четко разграничивать понятия достоинства и деловой репутации. В частности, юридические лица обладают деловой репутацией, но не обладают достоинством. Сотрудник юридического лица как таковой обладает соответствующей деловой репутацией, что, безусловно, не лишает его личного, профессионального, национального и т. п. достоинства, однако штаты корпорации не могут рассматриваться как некая социальная группа; вступление в трудовые или служебные отношения с определенным юридическим лицом не приводит к возникновению у человека особой разновидности достоинства как у гражданина, занимающего определенную должность в штате конкретного юридического лица.

Факт — истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле. Важно различать факт и комментарии по поводу факта, то есть суждения о факте.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию маркеров — определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению, мне кажется, я думаю, надо полагать, что* и др.) Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит. Мнение в форме утверждения в некоторых случаях может быть проверено на соответствие действительности.

Выражение своих мнений и убеждений, то есть пользование свободой слова, налагает особые обязанности и сопровождается некоторыми ограничениями, установленными законом. Речь идет о необходимости уважать права и репутацию других лиц, охранять здоровье и нравственность общества, общественный порядок, государственную безопасность.

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Заведомо ложное утверждение — утверждение, содержащее сведения, в отношении которых говорящему в момент речи доподлинно известно, что они не соответствуют действительности. В общем случае квалификация информации как заведомо ложной предполагает ее верификацию (проверку на соответствие действительности) и выходит за пределы компетенции эксперта или специалиста-лингвиста. Однако в некоторых случаях текст может включать в себя высказывания, из содержания и формы которых вытекает, что говорящему известна информация, исключающая или опровергающая содержание данного утверждения. При обнаружении в ходе исследования описанной ситуации эксперт-лингвист может указать на нее как на признак заведомости сообщаемых говорящим ложных сведений. С другой стороны, эксперт-лингвист, определяя форму выражения тех или иных сведений в конкретном тексте, ограничивает круг высказываний, которые могут содержать заведомо ложные сведения. В частности, высказывания-мнения (предположения, сравнения, сомнения и т. п.) не подлежат проверке на соответствие действительности, что исключает возможность их трактовки как заведомо ложных.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Содержание, или смысл высказывания — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Серьезная задача лингвистов – выявление приличного или неприличного характера формулировок, наличие в них **непристойных, потенциально оскорбительных языковых средств**. Наличие такой лексики во фразе, представляющей собой негативную адресованную оценку собеседника (в случае очного, личного общения) или заочную характеристику персонажа (в журналистском тексте), с высокой степенью вероятности позволяет лингвистам диагностировать такую фразу как реализацию речевого акта оскорбления. Но признание фразы оскорблением является прерогативой суда, а не задачей лингвистов-экспертов.

В рамках **других известных методик исследования**, в том числе специально разработанных для применения в лингвистической экспертизе по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, часть терминов может определяться существенно иначе.

Например, в методическом руководстве «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими» С. А. Кузнецова и С. М. Оленникова [3, с. 110–111] предлагается несколько иная классификация **речевой информации**, отличная от приведенной выше. Авторы указанного руководства вводят следующие виды речевой информации:

- **констатирующая** — содержащая сведения о конкретных ситуациях, о реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т. п.;
- **убеждающая** — содержащая аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие/плохие, правильные/неправильные, вредные/полезные и т. п.;
- **директивная** — выражающая речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию.

Указывая на общепринятость традиционного понимания термина **высказывание**, приведенного выше, авторы указанного руководства тем не менее явным образом вводят собственное определение, значительно расширяющее указанное понятие: «В настоящей методике под высказыванием (т.е. под композитным высказыванием) понимается метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект или тему». Согласно излагаемой авторами методике, высказывание предполагает обязательную реализацию говорящим трех коммуникативных намерений, которые сводятся к трем различным типам речи: описанию (фактической констатирующей характеристике объектов, наличного явления или ситуации в статике), повествованию (характеристике объектов во временной последовательности и развитии) и рассуждению (логико-понятийному обобщению фактов, установлению имплицативных отношений между событиями и их оценкой, установлению правил и ценностей).

Нетрудно видеть, что такое понятие высказывания отличается от описанного выше во многих существенных компонентах.

Важным с точки зрения методики экспертного исследования является также корректное определение **правовой базы** экспертизы.

Так, определение экстремистских материалов содержится в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном определении используется понятие **экстремистской деятельности**, к которой относятся, согласно определению, данному в той же статье:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 уголовного кодекса российской федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистики, иных экспертов, определение экстремизма, или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения. Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., специалист-лингвист считает необходимым обратить внимание на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В. В. Путиным в январе 2003 г.): «"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено составителем настоящего заключения) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Стран».

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена социальной (а также конфессиональной, национальной и т. п.) группы соответствующим ей формальным социальным институтом, например, подмена группы лиц, принадлежащих к определенной конфессии, религиозной организацией, обеспечивающей отправление соответствующего культа, или подмена национальной группы, составляющей население или большинство населения того или иного государства, какими-либо государственными институтами или государством в целом. (См. цитируемую выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть выражение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые безусловно удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, однако достоинство и интересы которых при этом не подлежат правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте. Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной, национальной, конфессиональной и т. п. группе — или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе, и т. п.

Согласно словарным толкованиям, *пропаганду* можно определить как распространение в обществе и разъяснение каких-либо воззрений, идей, знаний, учения.

В буквальном переводе с латинского *propaganda* (от лат. *propagare* распространять) «пропаганда» означает распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе. Например, политическая или идеологическая пропаганда осуществляется с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. Под пропагандой понимается деятельность, направленная на то, чтобы повлиять на сознание индивидов, отдельных общественных групп или на общество в целом для достижения определенной, заранее намеченной цели.

Обобщая разные дефиниции, можно сказать, что под пропагандой в контексте закона «О противодействии экстремизму» понимается распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Вербально такая пропаганда может выражаться в виде призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т.п. Выявление смысловой направленности высказываний, разоблачение скрытых приемов и способов пропаганды национальной, религиозной розни и вражды является центральным звеном в установлении противоправности совершаемого деяния.

Разъяснение содержания термина «пропаганда» применительно к разжиганию национальной розни дал Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 17 «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» от 23 декабря 1988 г. Пропаганда - это «распространение злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение к другой национальности, вызывающих чувство неприязни к ней. Действия, совершенные с этой целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов и т. п., а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии в вышеуказанных целях».

К сожалению, в рецензируемом заключении **отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений** терминов, которыми пользуется эксперт, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования.

В частности, **отсутствуют определения** терминов *высказывание, оценка, анти-российский, негативный, угроза, национальная (этническая) группа, оскорбительная характеристика* и мн. др., не раскрыто содержание применяемых экспертом понятий *разжигание межнациональной вражды, разжигание ненависти* и др.

При описании методики исследования и применяемого экспертом терминологического аппарата в рецензируемом заключении его составитель ограничивается **цитированием определений экстремистской деятельности, экстремистской организации** и

экстремистских материалов, содержащихся в тексте закона «О противодействии экстремистской деятельности».

При этом эксперт игнорирует важную с методической точки зрения необходимость всегда четко разграничивать общеупотребительные значения, отражающее общеязыковое значение того или иного термина, и его понятийное содержание в той или иной специальной сфере (в данном случае — в юриспруденции), в то время как «одна из проблем, с которой сталкивается лингвист-эксперт, — присутствие одного и того же слова в обиходной речи и правовых документах при отсутствии тождества его значения в непрофессиональном и в юридическом типах употребления» [4, с. 26].

Принятое экспертом содержание понятия *призыва*, имплицитно (неявно) разъясняемое экспертом Е. Ф. Тарасовым при ответе на вопрос № 2 (с. 25–26), **разительно отличается** от предложенного Верховным судом процитированного выше определения публичных призывов как выраженных в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) **обращений к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности**.

Некорректно определена экспертом также **правовая база** исследования. В частности, эксперты применяют федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. с изменениями и дополнениями, внесенными 27 июля 2006 г., 10 мая и 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г. **игнорируя изменения**, внесенные в текст закона 25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля и 31 декабря 2014 г., 8 марта и 23 ноября 2015 г. причем игнорируемые экспертом законодательные акты связаны в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона **определений, цитируемых и применяемых экспертом**.

Описывая **теоретические основания** экспертизы, эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении наряду с некорректно цитируемыми, как показано выше, определениями из федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» приводит список положений, обозначаемых им как *основания*, на которые он опирается при производстве исследования, в том числе следующие положения (выделение произведено специалистом):

- «содержание речевого сообщения конструируется слушателем (читателем) из знаний, содержащихся в его сознании и в той или иной мере отличающихся от знаний адресанта, поэтому **эксперт формирует вывод о том содержании речевого сообщения, которое конструирует слушатель (читатель)**»;
- «при проведении культуролого-лингвистической и психологической экспертизы мы исходим из того, что **возбуждение социальной, национальной, расовой или религиозной вражды есть умышленное и целенаправленное действие** (как правило, речевое), целью которого является создание или подкрепление отрицательной эмоциональной оценки или отрицательной смысловой установки в отношении той или иной социальной, этнической (национальной), расовой (антропологической) или религиозной (конфессиональной) группы или отдельных лиц как членов такой группы».

Поскольку формируемые экспертом в рецензируемом заключении выводы о содержании тех или иных речевых сообщений состоят в выявлении признаков направленности этих сообщений на возбуждение национальной или религиозной вражды, нетрудно видеть, что приведенные положения вступают в прямое **противоречие**: с одной стороны, эксперт декларативно ограничивает свои исследования тем содержанием речевого сообщения, которое конструирует лицо, воспринимающее сообщение, отказываясь тем самым

от исследования смысла (содержания), вкладываемого в сообщение говорящим (адресантом), каковой смысл может отличаться и неизбежно отличается от того смысла, в котором сообщение было воспринято слушающим (что понимает и подчеркивает эксперт: «содержание речевого сообщения конструируется слушателем (читателем) из знаний, содержащихся в его сознании и в той или иной мере отличающихся от знаний адресанта»), а с другой стороны, эксперт заявляет, что существенным для квалификации сообщения как направленного на возбуждение национальной или религиозной вражды является прямой умысел говорящего, а следовательно, существенным может являться лишь то содержание, которое вложено в сообщение адресантом.

Данное противоречие не сопровождается какими-либо разъяснениями и не получает какого-либо разрешения в рецензируемом заключении.

Рецензент (специалист) полагает, что описанное противоречие является следствием отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуально, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей (общедоступной) для всех дееспособных носителей этого языка в силу **конвенциональности**¹ речевого сообщения. Отклонения в восприятии содержания текста от указанного общего для всех носителей языка содержания (как правило, в сторону расширения содержащейся в тексте общедоступной для всех носителей языка информации) неизбежны; их причиной являются наряду со знаниями, являющимися частью этнической культуры (о чем говорит эксперт), субкультурные и индивидуальные знания того или иного слушателя, его темперамент, физическое и психическое состояние в момент восприятия текстовой информации и т. п., то есть прежде всего факторы, носящие **субъективный** характер, о которых эксперт **умалчивает**.

Так, эксперт утверждает, что «русские в большинстве случаев понимают содержание текстов на украинском языке» и что «русские, воспринимая тексты на украинском языке, понимают их *по-русски*, конструируя их содержание из знаний, сформированных при усвоении русской культуры». При этом эксперт игнорирует то обстоятельство, что по мере расширения языковой практики (например, за счет чтения все большего количества текстов на украинском языке) знания русскоязычного читателя о действительных значениях того или иного слова украинского языка неизбежно расширяются, уровень владения украинским языком повышается, и в пределах эти знания не будут отличаться от представлений носителя украинского языка.

Выявленное **противоречие в исходных методических положениях (допущениях)** с общенаучной точки зрения определенно свидетельствует о **порочности методического подхода** Е. Ф. Тарасова, использованного в рецензируемом заключении, и о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**: затруднительной представляется проверка логики рассуждения, построенного на противоречащих друг другу допущениях.

В начале **исследовательской части** рецензируемого заключения, озаглавленной «ЭКСПЕРТИЗА. Характеристика текстового материала», эксперт Е. Ф. Тарасов приводит сведения о взглядах («позиции») на явление украинского национализма, сформировав-

¹ **Конвенциональность** — одно из основных свойств любого знака, в том числе знака языка. В основе данного названия лежит представление о договоренности (соглашении, конвенции), исторически складывающейся в языковом коллективе (или ином коллективе, пользующемся системой знаков, отличной от естественного языка). Конвенциональность является одним из свойств знака, обеспечивающих саму возможность коммуникации с использованием знаковой системы.

шихся в российском украиноведении, приходя к выводу о том, что «в основе украинского национализма лежат фашизм и русофобия» (с. 8). Содержание понятий *фашизм* и *русофобия* в рецензируемом заключении не раскрыто, что препятствует проверке данного вывода и свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Затем эксперт, в соответствии с требованиями ст. 25 указанного федерального закона, приступает к изложению содержания и результатов проведенных им исследований представленных на экспертизу объектов, начиная с обобщающих выводов (с. 9):

- о теме представленных на экспертизу объектов («проанализированная серия книг, которая приводится ниже, посвящена украинскому национализму»). Данный вывод **не имеет значения** для разрешения поставленных перед экспертом вопросов. Достаточно заметить, что среди специальных источников, указываемых экспертом в списке использованных им при производстве экспертизы, присутствует коллективная монография «Бандеризация Украины — главная угроза для России», которая также содержит работы, посвященные этой теме;
- о направленности представленных на экспертизу объектов («проанализированная серия книг, которая приводится ниже, ... **направлена на возбуждение ненависти либо вражды**, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»). Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Описывая исследования, проведенные экспертом в отношении издания «**Голод в Україні. Документи і матеріали**», он:

- указывает статус издания как сборника документов и материалов;
- указывает тему издания (голод на Украине в 1946–47 гг.);
- перечисляет разделы издания;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что его авторы «описывают голод, случившийся в СССР в 1946 году, как запланированное преступление властей по уничтожению украинского населения»;
- высказывает суждение о том, что действительными причинами голода, случившегося в СССР в 1946 году, явились последствия послевоенной разрухи и неурожая, и о том, что последствия этого неурожая в других областях СССР были такими же, как на Украине;
- сообщает о том, что в исследуемом экспертом издании «Советский Союз назван *империей*», и приводит следующие значения существительного *империя* по данным одного из толковых словарей современного русского языка («Новейшего Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова): 1. «монархическое государство, во главе которого стоит

император»; 2. «крупная империалистическая колониальная держава с ее колониями»;

- приходит на основании приведенных словарных данных (используется конструкция с союзом *так как*) к выводу о том, что в использовании существительного *империя* для обозначения СССР содержится отрицательная оценка советской власти;
- сообщает о том, что в исследуемом издании «Советский Союз обвиняется в организации голода на Украине» как в организации запланированного преступления», при этом наблюдается использование слова *преступление*;
- приводит одно из значений существительного *преступление* по данным одного из толковых словарей современного русского языка («Новейшего Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова), а именно: «предосудительный, недопустимый проступок»;
- приходит на основании приведенных словарных данных (используется конструкция с союзом *так как*) к выводу о том, что описанное использование существительного *преступление* содержит отрицательную оценку (что именно является объектом оценки, эксперт не указывает);
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что оно «имеет антисоветскую и антироссийскую направленность»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что оно «содержит языковые средства, вызывающие межнациональную вражду и ненависть».

В известных методических разработках по теории судебной экспертизы, методических рекомендациях по проведению лингвистических экспертиз (см. например, [1, 2, 3]) особо подчеркивается необходимость обращения к разным словарям, поскольку каждый конкретный словарь отражает субъективизм его составителя, а также обладает особенностями, которые определяются теми лингвистическими концепциями, которые составитель исповедует и разделяет: в лингвистике существуют разные школы, в практической лексикографии применяются существенно различные подходы к решению одних и тех же задач. Использование единственного лексикографического источника неизбежно снижает уровень объективности выводов лингвистической экспертизы.

Особая актуальность этой рекомендации для оценки рецензируемого заключения может быть ярко проиллюстрирована следующими обстоятельствами.

По данным «Большого толкового словаря» под ред. С. А. Кузнецова по состоянию на 2014 год, составителями выделяются следующие значения существительного *империя*:

1. «монархическое государство с подвластными ему территориями, во главе которого стоит император, императрица»;

2. «о государстве, превосходящем экономической, военной мощью многие другие государства и способном решать любые проблемы международной политики в своих интересах; сверхдержава». В качестве характерного примера употребления существительного *империя* в данном значении приводится словосочетание *советская империя*.

Для словарного значения «о государстве, превосходящем экономической, военной мощью многие другие государства и способном решать любые проблемы международной политики в своих интересах; сверхдержава», к числу характерных относится употребление в сочетании с прилагательным *советский*. Сказанное свидетельствует о том, что именно данное значение является актуальным для исследуемого экспертом издания. При этом в данном значении присутствуют семантические компоненты ярко выраженной **позитивной** оценки характеризуемого государства как превосходящего в определенных сферах деятельности своих конкурентов.

Более того, негативных (отрицательных) семантических компонентов в приводимых экспертом значениях «монархическое государство с подвластными ему территориями, во главе которого стоит император, императрица» и «крупная империалистическая колониальная держава с ее колониями» в действительности, вопреки утверждению эксперта, не наблюдается; эти значения близки к специальным, терминологическим. Вероятно, именно поэтому эксперт не указывает, какие именно компоненты приведенных им значений выражают негативную оценку чего-либо.

Таким образом, содержащийся в рецензируемом заключении вывод о том, что в использовании существительного *империя* для обозначения СССР содержится отрицательная оценка советской власти, **не основан на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Кроме того, остается только догадываться о том, какое значение вывод о присутствии в исследованном издании негативной оценки советской власти мог бы иметь для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, поскольку словосочетание *советская власть* не обозначает какую-либо национальную (этническую), расовую или религиозную (конфессиональную) группу, а следовательно, якобы выражаемая в исследуемом экспертом издании негативная оценка не является негативной оценкой какой-либо национальной, расовой или религиозной группы.

Применяемые экспертом суждения о том, что действительными причинами голода, случившегося в СССР в 1946 году, явились последствия послевоенной разрухи и неурожая, и о том, что последствия этого неурожая в других областях СССР были такими же, как на Украине, с очевидностью выходят за пределы компетенции специалиста в области психолингвистики, каковым является эксперт, а равно не относятся к компетенции специалистов в области культурологии, вероятно, могут быть отнесены к компетенции историков и (или) экономистов.

Рекомендации, изложенные в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г., предусматривают возможность привлечения при необходимости историков и экспертов иных специальностей к производству комплексных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, **историки**, религиоведы, антропологи, философы, политологи **и др.**). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Действующее законодательство предусматривает право эксперта ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), однако из представленных материалов вытекает, что эксперт Е. Ф. Тарасов этим правом не воспользовался.

Таким образом, при получении выводов, относящихся к данному исследуемому тексту, эксперт Е. Ф. Тарасов **вышел за пределы своей специальной компетенции, чем нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Каких-либо цитат, подробных описаний текста исследуемого экспертом издания в иной форме, описания конкретных исследований тех или иных высказываний и иных подобных речевых фактов, присутствующих в тексте спорного издания, рецензируемое заключение не содержит. В частности, в рецензируемом заключении отсутствует описание исследований, на которых основывается вывод о том, что исследуемое экспертом издание «имеет антисоветскую и антироссийскую направленность», который, соответственно, следует рассматривать как **необоснованный**, что решительно препятствует его проверке и свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**. Особенно ярко необоснованность этого вывода проявляется в части «антироссийской направленности» издания, поскольку рецензируемое заключение не содержит каких-либо упоминаний о наличии в данном исследуемом издании каких бы то ни было сведений, относящихся именно и только к России

С учетом изложенного, остается загадкой, какие именно из числа описываемых в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге «Голод в Україні. Документи і матеріали», языковые средства: существительное *империя*, употребляемое для обозначения СССР, и существительное *преступление*, употребляемое для обозначения действий органов власти в 1946 г. (а иные языковые средства в этом подразделе не рассматриваются), — вызывают межнациональную вражду и ненависть. Исходя из содержания рецензируемого заключения, ни одно из указанных языковых средств не используется для какой-либо характеристики межнациональных отношений, а содержащаяся в исследуемом экспертом издании негативная информация относится к государству СССР как юридическому лицу и действиям органов власти этого государства в период 1946 г. как к действиям юридических лиц.

Таким образом, в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге «Голод в Україні. Документи і матеріали», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями**.

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги Д. Павличко «Голоси мого диття. Статті, виступи, інтерв'ю. Документи», он:

- сообщает биографические сведения об авторе исследуемой книги, в том числе о том, что Д. Павличко «начал свою общественную деятельность в рядах УПА (Украинская повстанческая армия), которая вела организованную борьбу против советской России». С учетом временного периода, к которому относятся описываемые события, словосочетание *советская Россия* в рецензируемом заключении следует интерпретировать в данном контексте не буквально, а именно: как обозначающее Советский Союз, а не РСФСР;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что она «имеет антироссийскую направленность»;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *российский шовинизм* (контекст в рецензируемом заключении не описан, эксперт полагает, что данное словосочетание содержит отрицательную оценку российской культуры, выражающуюся в словарном значении существительного *шовинизм* «крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность, разжигающий ненависть и презрение к другим нациям и народностям»), *москаль* для обозначения русских, *московский тоталитаризм* для обозначения советской России (с учетом временного периода, к

которому относятся описываемые события, словосочетание *советская Россия* в рецензируемом заключении следует интерпретировать в данном контексте не буквально, а именно: как обозначающее Советский Союз, а не РСФСР), *московские оккупанты* для обозначения органов советской власти, *российский империализм* для обозначения советского государства, *московские каратели* (контекст в рецензируемом заключении не описан), *советская оккупация* (контекст не описан, эксперт высказывает суждение о том, что данное словосочетание «дает сугубо отрицательную оценку советской власти»).

В действительности, как показывают приводимые экспертом данные словарей современного русского языка, существительные *шовинизм*, *тоталитаризм*, *империализм*, *оккупация* и *оккупант* используются в исследуемом экспертом тексте в строго терминологических значениях, а соответственно, как всякие термины, лишены оценочных компонентов значения.

Словосочетание *российский шовинизм*, в том числе при его употреблении для характеристики культуры, в зависимости от контекста, может как выражать (в редких случаях) обобщенную негативную характеристику российской культуры (например, в гипотетическом контексте **Вся материальная культура населения России испокон веков — это один сплошной российский шовинизм*), так и не выражать такой характеристики, обозначая свойство отдельных культурных явлений, рассматриваемых в явном или скрытом противопоставлении другим явлениям, лишенным данного свойства (например, в гипотетическом контексте **Последние работы скульптора свидетельствуют о сильном влиянии на его творчество идей российского шовинизма*). Отсутствие в рецензируемом заключении сведений о контексте употребления данного словосочетания в исследуемой экспертом книге препятствует проверке истинности (достоверности) высказанного экспертом суждения о том, что данное словосочетание содержит отрицательную оценку российской культуры.

Прилагательное *антироссийский* **не** имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов, применив расширительное употребление словосочетания *советская Россия*, не соответствующее нормам и правилам современного русского языка как государственного языка РФ, для обозначения Советского Союза, получает возможность приравнять понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: словосочетания *московский тоталитаризм* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской России), *московские оккупанты* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения органов советской власти), *российский империализм* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советского государства), *советская оккупация* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для отрицательной оценки советской власти) представляются экспертом как признаки антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста. Вероятно, к категории подмены понятий следует также отнести трактовку экспертом словосочетания *московские каратели*, контекст которого в рецензируемом заключении не описан и которое с высокой вероятностью обозначает определенных лиц, действовавших как представители советского государства.

Интерпретация экспертом Е. Ф. Тарасовым существительного *москаль* как выражающего уничижительную оценку русского действительно подтверждается данными толковых словарей современного русского языка. Однако следует принимать во внимание, что исследуемый экспертом текст исполнен на украинском языке. Словари украинского языка, в том числе единственный украинский лексикографический источник «Українсько-

росийский словник» Г. Ижакевича и др., указываемый экспертом в списке использованной специальной литературы (№ 13 в указанном списке) характеризуют это существительное принципиально иначе. В частности, указанный словарь содержит следующие сведения о способах перевода слова украинского языка *москаль* на русский язык (см. приложение):

- 1) солдат, военный;
- 2) русский.

Слово *москаль* характеризуется в данном словаре как историзм; помет, выражающих негативную стилистику, в данной словарной статье не имеется, при том, что такие пометы входят в аппарат словаря (например, на представленном в приложении развороте словаря наблюдаются указания на иронический характер некоторых значений слов, производных от прилагательного *мудрий*).

Выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге Д. Павличко «Голоси мого диття. Статті, виступи, інтерв'ю. Документи», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги **Е. Й. Ц. ван Готегема «Моя зустріч з УПА»**, он:

- сообщает биографические сведения об авторе исследуемой книги;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что ее автор «описывает сочувственно террористическую деятельность УПА, которую она вела против Советской Армии и создает ложный образ этой террористической организации».

Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит. Описание проведенных им исследований текста этой книги фактически отсутствует, эксперт ограничивает свое изложение указанным выводом.

С учетом изложенного, указанный вывод следует рассматривать как **необоснованный**, что решительно препятствует его проверке и свидетельствует о **грубом нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Поскольку иных выводов рассматриваемый подраздел не содержит, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге **Е. Й. Ц. ван Готегема «Моя зустріч з УПА»**, **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

При оценке содержащихся в исследуемой экспертом книге сведений, формирующих образ УПА, эксперт декларативно характеризует этот образ, а следовательно, формирующие его сведения, как ложные. Однако очевидно, что оценка достоверности тех или

иных сведений о деятельности УПА с очевидностью выходит за пределы компетенции специалиста в области психолингвистики, каковым является эксперт, а равно не относится к компетенции специалистов в области культурологии, вероятно, может быть отнесена к компетенции историков.

Рекомендации, изложенные в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г., предусматривают возможность привлечения при необходимости историков и экспертов иных специальностей к производству комплексных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, **историки**, религиоведы, антропологи, философы, политологи **и др.**). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Действующее законодательство предусматривает право эксперта ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), однако из представленных материалов вытекает, что эксперт Е. Ф. Тарасов этим правом не воспользовался.

Таким образом, при получении выводов, относящихся к данному исследуемому тексту, эксперт Е. Ф. Тарасов **вышел за пределы своей специальной компетенции, чем нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении **четырех поэтических сборников Д. Павличко**, он:

- формулирует обобщающий в отношении содержания исследуемых им сборников вывод о том, что они «объединены духом украинского национализма и ненависти к России». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания исследуемых им сборников вывод о том, что автор «являясь активным противником России, неустанно проводит мысль об опасности влияния русской культуры на украинскую, мысль о недооценке этого влияния, которое он называет «московским шовинистическим потоком». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что автор «активно использует языковые средства для возбуждения ненависти к России и ее культуре», а исследуемые сборники имеют антироссийскую направленность;
- обосновывает последний указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: **москаль** и **москальня** для обозначения русских, **петровская орда** для обозначения «войск Петра I, сражающегося с войсками Карла XII на полях Украины» (контекст в рецензируемом заключении не описан, эксперт полагает, что данное словосочетание содержит резко отрицательную оценку «российских людей», выражающуюся в словарном значении существитель-

ного *орда* «вражеское войско, полчище», сопровождаемом пренебрежительной коннотацией), *орда* для обозначения большевистских войск, наступавших на Одессу в период гражданской войны, *кремлевские паразиты* (контекст в рецензируемом заключении не описан, эксперт полагает, что данное словосочетание обеспечивает создание резко отрицательной оценки российским административным органам), *опричники из Москвы* для обозначения всех, кто способствует проведению политики России, сопровождаемого их отрицательной оценкой, *погибнешь в московской петле* (эксперт полагает, что данное словосочетание дает резко отрицательную и оскорбительную оценку отношения России к Украине), *кремлевские крестоносцы* для обозначения представителей России (контекст в рецензируемом заключении не описан, эксперт полагает, что крестоносцы «имеют отрицательную коннотацию» в русском сознании);

- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что исследуемые сборники содержат языковые средства, которые могут вызывать обострение межнациональной вражды и ненависти, вероятно, также основываемый экспертом на перечисленных выше речевых фактах.

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительных *москаль* и *москальня* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Группы лиц, описательно обозначаемые как «войска Петра I, сражающегося с войсками Карла XII на полях Украины», «большевистские войска, наступавшие на Одессу в период гражданской войны», «российские административные органы», «все, кто способствует проведению политики России», «представители России», не являются национальными, расовыми или религиозными группами, заданы различными комбинациями признаков, часть которых носит временный характер, что обуславливает ограниченный во времени характер существования обозначаемой группы. Общим признаком является то или иное отношение обозначаемых лиц к России как государству. Исходя из содержания рецензируемого заключения, ни одно из указанных языковых средств не используется для какой-либо характеристики межнациональных отношений, а содержащаяся в исследуемом экспертом издании негативная информация может быть отнесена к российскому государству как юридическому лицу, органам власти этого государства и к конкретным существовавшим на протяжении ограниченного времени группам лиц, не объединяемым национальными, расовыми или религиозными признаками.

Соответственно, вывод об антироссийской направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Вывод эксперта о том, что исследуемые им сборники содержат языковые средства, которые могут вызывать обострение межнациональной вражды и ненависти, **не основан на каких-либо** описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах, не соответствует проведенному исследованию.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к четырём поэтическим сборникам Д. Павличко, **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении произведения Д. Донцова «Клич Доби», он:

- характеризует личность автора исследуемого произведения как «основателя украинского фашизма»;
- характеризует жанровую принадлежность исследуемого произведения как сборника статей философско-политического содержания;
- сообщает о тематике исследуемого произведения (проблемы современной автору Европы);
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что исследуемое произведение имеет антироссийскую направленность и «содержит языковые средства, которые поддерживают эту ориентацию»;
- формулирует вывод о том, что исследуемое произведение «содержит языковые средства, которые... могут вызывать межнациональную рознь и ненависть»;
- обосновывает указанные выводы указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *москаль* для неоднократного обозначения русских, *«герренфольк»* как транскрипции немецкого существительного *Herrenvolk* со значением «народ господ» или «народ-господин» для обозначения русских (эксперт полагает, что данное слово содержит «клеветническую отрицательную оценку»).

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Какие именно семантические компоненты значения «народ господ» или «народ-господин» либо сопровождающей его коннотации являются негативными в отношении обозначаемой группы лиц, в рецензируемом заключении не описано, остается для рецензента (специалиста) загадкой.

Характеризуя употребление существительного *«герренфольк»* как «клеветническую отрицательную оценку», эксперт де факто **подменяет понятие** отрицательной оценки, которая, как любое оценочное суждение, отражает картину мира, сложившуюся в сознании говорящего, и тем самым не может быть проверена на соответствие действительности, понятием клеветы — распространения заведомо ложных сведений, порочащих

чью-либо честь, достоинство, умаляющих деловую репутацию. Понятие порочащей информации предполагает ее обязательное несоответствие действительности. Оценочные суждения не могут быть проверены на соответствие действительности, а следовательно, не могут рассматриваться в качестве клеветнических.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что подразделе рецензируемого заключения, относящемся к произведению Д. Донцова «Клич Доби», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги В. Роевко «Україна або смерть», он:

- характеризует личность автора исследуемого произведения как «сотрудника националистических Украинских организаций за рубежом»;
- характеризует жанровую принадлежность исследуемого произведения как книги воспоминаний;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что исследуемое произведение имеет четкую националистическую и антироссийскую ориентацию (вероятно, использованное при повторном формулировании данного вывода словосочетание *антироссийская дистанция* является следствием допущенной экспертом опечатки);
- формулирует вывод о том, что исследуемое произведение «содержит языковые средства, вызывающие межнациональную рознь и ненависть»;
- обосновывает указанные выводы указанием на факты пятикратного употребления в тексте исследуемой экспертом книги существительного *оккупация* для обозначения «режима советской власти, установившейся на Украине после гражданской войны» (эксперт полагает, что данное слово содержит отрицательную и уничижительную оценку советской власти).

Аналогично изложенному выше, поскольку прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: отрицательная и уничижительная оценка советской власти представляются экспертом как признак антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Также аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Вывод эксперта о том, что исследуемая им книга содержит языковые средства, вызывающие межнациональную рознь и ненависть, **не основан на каких-либо описанных им в рецензируемом заключении речевых фактах, не соответствует проведенному исследованию.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге В. Роевко «Україна або смерть», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги Дж. Сороса «До нового світового порядку: майбутнє НАТО», он:

- характеризует личность автора исследуемого произведения как «американского бизнесмена, основателя и главу ряда благотворительных фондов»;
- обобщенно характеризует содержание исследуемого произведения как «посредственный анализ политической ситуации в начале девяностых годов прошлого века»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, книга «написана достаточно корректно, хотя и несколько недоброжелательно по отношению к России», «не имеет антироссийской направленности и не содержит языковых средств, вызывающих межнациональную рознь и ненависть».

Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит. Описание проведенных им исследований текста этой книги фактически отсутствует, эксперт ограничивает свое изложение указанным выводом.

С учетом изложенного, указанный вывод следует рассматривать как **необоснованный**, что решительно препятствует его проверке и свидетельствует о **грубом нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

При оценке содержащихся в исследуемой экспертом книге аналитических сведений эксперт декларативно характеризует авторский политологический анализ как «посредственный». Данная оценка с очевидностью выходит за пределы компетенции специалиста в области психолингвистики, каковым является эксперт, а равно не относится к компетенции специалистов в области культурологии, вероятно, может быть отнесена к компетенции политологов.

Рекомендации, изложенные в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г., предусматривают возможность привлечения при необходимости политологов и экспертов иных специальностей к производству комплексных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, **политологи и др.**). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Действующее законодательство предусматривает право эксперта ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), однако из представленных материалов вытекает, что эксперт Е. Ф. Тарасов этим правом не воспользовался.

Таким образом, при получении выводов, относящихся к данному исследуемому тексту, эксперт Е. Ф. Тарасов **вышел за пределы своей специальной компетенции, чем нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении буклета «Р. Шухевич — Головний Командир УПА», он:

- кратко характеризует личность Р. Шухевича, которому посвящен исследуемый буклет;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что исследуемое произведение имеет антироссийскую направленность;
- формулирует вывод о том, что в исследуемом произведении употребляются «языковые средства, вызывающие межнациональную рознь и ненависть»;
- обосновывает указанные выводы указанием на единственный речевой факт употребления в тексте исследуемого экспертом буклета словосочетания **московский дьявол** для обозначения советской власти.

Аналогично изложенному выше, поскольку прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: отрицательная и уничижительная оценка советской власти представляются экспертом как признак антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Также аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Вывод эксперта о том, что исследуемый им буклет содержит языковые средства, вызывающие межнациональную рознь и ненависть, **не основан на каких-либо** описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах, не соответствует проведенному исследованию.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к буклету «Р. Шухевич — Головний Командир УПА», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Оценка достоверности и обоснованности выводов эксперта Е. Ф. Тарасова, относящихся к буклету «Слава Україні! Героям слава! Вітання з річницею створення Української повстанської армії», не относится к компетенции специалиста-лингвиста, поскольку, исходя из содержания рецензируемого заключения, указанный буклет не содержит текста, который был подвергнут экспертом исследованию, включает в себя четыре изображения.

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении подборки журналов «Барвінок», он:

- характеризует выпуски журнала №№ 1–7 как журналы с детской тематикой и оформлением, рассчитанным на детское восприятие;
- формулирует вывод о том, что к указанным семи журнальным выпускам «не может быть предъявлено никаких претензий». Буквальная однозначная интерпретация данного вывода на основе норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ не представляется возможной. Наиболее вероятная, по оценке специалиста, интерпретация данного вывода как правового вывода об отсутствии в указанных семи выпусках материалов, нарушающих действующее законодательство, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции;**

- характеризует тему материалов, помещенных в выпусках № 8–10, как «боевые действия между украинскими войсками и военизированными образованиями ДНР и ЛНР»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания опубликованного в выпуске № 8 рассказа В. Дорошенко вывод о том, что боевые столкновения на Украине описываются автором как война украинцев против русских. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания указанного рассказа вывод о том, что исследуемое произведение имеет антироссийскую направленность;
- формулирует вывод о том, что в исследуемом произведении употребляются «языковые средства вызывающие межнациональную рознь»;
- обосновывает два последних указанных вывода указанием на факты двукратного употребления в тексте указанного рассказа слова *москаль* для обозначения русских;
- формулирует обобщающий в отношении содержания опубликованного в выпуске № 9 рассказа Л. Борсук-Янковской вывод о том, что война на Украине изображается («подана») автором как война между Украиной и Россией. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- сообщает о том, что описанное вытекающее из авторской подачи материала суждение не соответствует действительности, поскольку в действительности боевые действия велись между украинскими войсками и подразделениями ДНР и ЛНР. Данное сообщение не носит специального психологического и (или) культурологического характера, представляет собой простое утверждение о фактах, верификация которого в случае необходимости в таковой относится к компетенции суда, и свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**;
- формулирует обобщающий в отношении содержания указанного рассказа вывод о том, что исследуемое произведение имеет антироссийскую направленность;
- формулирует вывод о том, что в исследуемом произведении употребляются «языковые средства, возбуждающие межнациональную рознь и ненависть»;
- обосновывает два последних указанных вывода указанием на факты употребления в тексте указанного рассказа слов *рашист* и *рашистский*, образованных от английского обозначения России *Russia*. При этом эксперт утверждает, что данные слова (1) имеют пренебрежительную окраску, (2) «используются для формирования негативной оценки русских», (3) «используются для формирования негативной оценки... России»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания опубликованного в выпуске № 10 рассказа В. Барановской вывод о том, что война на Украине изображается автором как война между Украиной и Россией, в которой участвуют российские солдаты. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания указанного рассказа вывод о том, что исследуемое произведение имеет антироссийскую направленность;
- формулирует вывод о том, что в исследуемом произведении употребляются «языковые средства, разжигающие межнациональную вражду и ненависть»;

- обосновывает два последних указанных вывода указанием на факты употребления в тексте указанного рассказа слова *москаль* для обозначения русских и *стадо* в значении «большая неорганизованная группа людей; толпа», сопровождающемся пренебрежительной коннотацией, для обозначения пришедшей кому-то на помощь группы российских солдат.

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Отсутствие в рецензируемом заключении сведений о том, каким образом эксперт, не проводя исследования употребления в современном русском языке слов *рашист* и *рашистский*, являющихся новыми для современного русского языка, установил значение этих слов, не описываемых известными толковыми словарями, решительно препятствует проверке выводов эксперта о значениях указанных слов и свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Рецензент готов без проведения специальных исследований, опираясь на интуицию, принять в качестве правдоподобных и, вероятно, достоверных суждения эксперта Е. Ф. Тарасова о том, что данные слова (1) имеют пренебрежительную окраску и (3) «используются для формирования негативной оценки... России». Однако сказанное не относится к суждению эксперта о том, что данные слова (2) «используются для формирования негативной оценки русских».

Действительно присутствующая в значении существительного *стадо* «большая неорганизованная группа людей; толпа» негативная коннотация относится к неорганизованному поведению обозначаемой данным существительным большой группы людей, никак не связана с признаком их национальной принадлежности. Приведенный в рецензируемом заключении контекст употребления данного существительного («И тут на помощь пришло целое стадо российских солдат») свидетельствует о том, что существительное *стадо* использовано для обозначения не российских солдат как таковых, то есть группы, выделяемой по комбинации признаков, среди которых присутствует семантический компонент «имеющий некоторое, то или иное отношение к России» — признак гражданства (подданства), — а для обозначения конкретной группы российских солдат, совершающих конкретные описываемые в исследуемом экспертом тексте рассказа действия. Соответственно, основанием выражаемой существительным *стадо* негативной оценки в данном случае выступает неорганизованность действий группы людей, а не их гражданство и тем более не их национальная принадлежность, которая никак не обозначена.

С учетом изложенного, выводы эксперта о том, что исследуемые им тексты рассказов содержат языковые средства, вызывающие межнациональную вражду и ненависть, **не основаны на каких-либо** достоверно описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах, не соответствует проведенному исследованию.**

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государ-

ства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к подборке журналов «Барвінок», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении содержимого компакт-дисков «**Рутенія. Хто живий**», он:

- описывает оформление дисков и сообщает выборочные сведения об их параметрах (количество песен, длительность звучания). **Информация, позволяющая идентифицировать компакт-диски и их содержимое (номер маркировки, серийный номер тома, контрольные суммы наборов данных) отсутствует;**
- формулирует обобщающий в отношении содержания представленных на исследуемых экспертом компакт-дисках песен вывод о том, что их содержание «посвящено описанию и прославлению боевой деятельности УПА-УНСО»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания некоторых из представленных на исследуемых экспертом компакт-дисках песен вывод о том, что они содержат прямые призывы к вооруженной борьбе. Сообщать о том, о каких именно песнях идет речь, а также о том, к кому обращены указанные призывы и с кем предлагается бороться, эксперт, по-видимому, не считает нужным. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует вывод о том, что в «одной из песен» на исследуемых дисках употребляются слова, могущие «способствовать возбуждению межнациональной розни и ненависти»;
- обосновывает указанный вывод сообщением о фактах употребления в тексте указанной песни для обозначения русских слов *москаль* и *палач*, дающих обозначаемым лицам резко отрицательную оценку.

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Существительное *палач*, в том числе при его употреблении для обозначения русских, в зависимости от контекста, может как выражать (в редких случаях) обобщенную негативную характеристику русских (например, в гипотетическом контексте **Все русские — прирожденные палачи*), так и не выражать такой характеристики, обозначая русского, совершающего конкретные действия и рассматриваемого в явном или скрытом противопоставлении другим русским, таких действий не совершающих (например, в гипотетическом контексте **Иван вел себя с пленными как настоящий палач, а Федор относился к ним по-человечески*). Отсутствие в рецензируемом заключении сведений о контек-

сте употребления данного существительного в тексте исследуемой экспертом песни препятствует проверке суждения о том, что данное слово содержит отрицательную оценку русских как таковых, то есть как группы, выделяемой по национальному признаку, что свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

С учетом изложенного, вывод эксперта о том, что в «одной из песен» на исследуемых дисках употребляются слова, могущие «способствовать возбуждению межнациональной розни и ненависти», не является обоснованным.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к содержимому компакт-дисков «Рутенія. Хто живий», **не имеет-ся выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги Д. Донцова «**Росія чи Европа и другие эссе**», он:

- характеризует личность автора исследуемого произведения как известного националиста, считающегося «основоположником украинского фашизма»;
- обобщенно характеризует содержание исследуемой книги как описание на материале анализа произведений русской художественной и исторической литературы истории существования Украины в рамках российского государства в виде процесса угнетения украинской культуры со стороны России. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- обобщенно характеризует содержание исследуемой книги как «необходимость националистической борьбы, в первую очередь против России». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует вывод о том, что в исследуемой книге «содержится резко негативная оценка России»;
- формулирует вывод о том, что в исследуемой книге «содержится резко негативная оценка русских людей»;
- формулирует вывод о том, что в исследуемой книге «формируется неприязненное отношение ко всему русскому народу»;
- обосновывает указанные выводы указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *москаль* для обозначения русских, *Московщина* для обозначения России, *московский Ванька* для обозначения русских, *ордынский патриотизм* для обозначения советского патриотизма (эксперт полагает, что данное словосочетание создает негативный и ложный образ России и содержит отрицательную оценку советского патриотизма, выражающуюся в словарном значении прилагательного *ордынский*, производного от существительного *орда* в значении «большая беспорядочная толпа, скопище, банда»). Сведения о контекстах употребления указанных слов и оборотов во всех случаях отсутствуют;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что она «имеет антироссийскую направленность».

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в

настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Также аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Отсутствие в рецензируемом заключении сведений о том, каким образом эксперт, не проводя исследования употребления в современном русском языке слова *Московщина* и словосочетания *московский Ванька*, установил значения этих словесных обозначений, не описываемые известными толковыми словарями, решительно препятствует проверке выводов эксперта об этих значениях и свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

В известных методических разработках по теории судебной экспертизы, методических рекомендациях по проведению лингвистических экспертиз (см. например, [1, 2, 3]) особо подчеркивается необходимость обращения к разным словарям, поскольку каждый конкретный словарь отражает субъективизм его составителя, а также обладает особенностями, которые определяются теми лингвистическими концепциями, которые составитель исповедует и разделяет: в лингвистике существуют разные школы, в практической лексикографии применяются существенно различные подходы к решению одних и тех же задач. Использование единственного лексикографического источника неизбежно снижает уровень объективности выводов лингвистической экспертизы.

Особая актуальность этой рекомендации для оценки рецензируемого заключения может быть ярко проиллюстрирована следующими обстоятельствами.

По данным «Большого толкового словаря» под ред. С. А. Кузнецова по состоянию на 2014 год, составителями выделяются следующие значения существительного *орда*:

1. «название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племён в эпоху средневековья; местопребывание их правителей»;
2. «вражеское войско; полчище»;
3. «многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-либо».

Последнее приведенное значение приблизительно соответствует принятому экспертом значению «большая беспорядочная толпа, скопище, банда», приводимому им со ссылкой на словарь под ред. Д. Н. Ушакова, изданный в середине XX века, сопровождается указанием на его разговорный характер и не сопровождается какими-либо пометами, обозначающими негативную коннотацию. Сочетание прилагательного *ордынский* в значении, основанном на данном значении существительного *орда*, с существительным *патриотизм* в основном словарном значении «любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы Родины», невозможно, приводит к обесмысливанию данного словосочетания, нарушает принцип синсемичности.

В то же время сочетание с существительным *патриотизм* вполне способно реализоваться основное словарное значение «название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племён в эпоху средневековья; местопребывание их правителей». Словосочетание *ордынский патриотизм* приобретает при этом очевид-

ный буквальный смысл «любовь подданных крупного тюркского или монгольского феодального государства или союза кочевых племён, существовавшего в эпоху средневековья, к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы Родины». При употреблении данного словосочетания для обозначения советского патриотизма оно приобретает характер прозрачной метафоры, содержащей сравнение СССР со средневековым феодальным государством востока.

Следовательно, содержащиеся в рецензируемом заключении выводы, относящиеся к смыслу, выражаемому словосочетанием *ордынский патриотизм*, **не основаны на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

С учетом изложенного, выводы эксперта о том, что в исследуемом им тексте «содержится резко негативная оценка русских людей» и «формируется неприязненное отношение ко всему русскому народу», **не основаны на каких-либо описанных им в рецензируемом заключении достоверных речевых фактах и не являются обоснованными.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге Д. Донцова «Росія чи Европа и другие эссе», **не имеется выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги «**Организация Українських Націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби**», он:

- описательно характеризует и перечисляет темы и подтемы, раскрываемые в книге;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что в книге на большом иллюстративном и текстовом материале раскрывается история ОУН. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что издание является «апологией этой организации». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что это содержание «обладает большой внушающей силой», в том числе за счет изобразительного ряда;
- формулирует выводы, относящиеся к имеющимся в книге изобразительным элементам;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что описание хроники борьбы военизированных организаций ОУН против советской администрации на территории Западной Украины носит в исследуемой книге «сочувственный» характер. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует вывод о том, что содержание исследуемой им книги «направлено на разжигание межнациональной вражды и ненависти». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направлен-

ности». Таким образом, эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и **не являются обоснованными**, что свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Оценка достоверности и обоснованности выводов и иных суждений эксперта Е. Ф. Тарасова, относящихся к имеющимся в данной исследуемой им книге изображениям, выходит за пределы компетенции специалиста-лингвиста.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге «Організація Українських Націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги С. Гуцало «Ментальність орди: Статті», он:

- описательно характеризует тему, раскрываемую в книге;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что история сотрудничества России и Украины показана в книге «односторонне как история угнетения Украины российской и советской администрацией». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что «характер русского народа описан таким образом, что дает повод для обвинения автора в клевете на русских людей». Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит. Специалист затрудняется с интерпретацией содержания использованной экспертом фигуры речи «дает повод для обвинения автора в клевете на русских людей», поскольку существительное *повод* в подобном контексте может обозначать как реальное, так и формальное, надуманное или искусственно созданное основание;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что содержание книги имеет резко антироссийский характер;
- обосновывает последний указанный вывод указанием на факт употребления в названии книги существительного *орда* в значении «большая беспорядочная толпа, скопище, банда» для обозначения России;
- формулирует выводы, относящиеся к имеющимся в книге изобразительным элементам;
- формулирует вывод о том, что исследуемая им книга «служит средством возбуждения межнациональной вражды и ненависти». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной прак-

тике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, эксперт **Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Описание системы значений существительного *орда* в современном русском языке приведено в настоящем заключении выше.

Существительное *орда* при его метафорическом употреблении для обозначения современной России, с очевидностью основанном на словарном значении «название крупных тюркских и монгольских феодальных государств и союзов кочевых племён в эпоху средневековья; местопребывание их правителей», имеет характер прозрачной метафоры, содержащей сравнение России со средневековым феодальным государством востока. Принятое экспертом значение «большая беспорядочная толпа, скопище, банда» не соответствует категориальной принадлежности существительного *Россия* как обозначения государства и подлежит исключению в рассматриваемом контексте.

Следовательно, содержащиеся в рецензируемом заключении выводы, относящиеся к смыслу, выражаемому названием исследуемой экспертом книги, **не основаны на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо достоверно описанных им в рецензируемом заключении речевых фактах и не являются обоснованными.**

Оценка достоверности и обоснованности выводов и иных суждений эксперта Е. Ф. Тарасова, относящихся к имеющимся в данной исследуемой им книге изображениям, выходит за пределы компетенции специалиста-лингвиста.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге С. Гуцало «Ментальність орди: Статті», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении брошюры «**Націоналізм — основа майбутнього справедливого світопорядку, Видання Конгресу Українських Націоналістів**», он:

- описательно характеризует жанр исследуемой брошюры как сборника перепечаток статей «известных националистов»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания брошюры вывод о том, что она посвящена «изложению проблем национализма, понимаемых как основа будущего справедливого устройства мира» и национализму как основе будущего государственного устройства Украины. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данный вывод, эксперт не приводит;
- высказывает суждение о том, что, по мнению авторов всех включенных в брошюру статей, украинский национализм — это прежде всего основа

борьбы против России. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих данное суждение, эксперт не приводит;

- формулирует обобщающий в отношении содержания брошюры вывод о том, что содержание книги имеет резко антироссийский характер;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *террор и злодеяния* для «характеристики жизни российского общества» (в тексте, вышедшем в свет в 1959 г.), *российский империализм* и *имперские силы России* (по мнению эксперта, данные словосочетания выражают «отрицательную оценку России»);
- формулирует вывод о том, что содержание исследуемой им брошюры «является средством возбуждения межнациональной розни и ненависти». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении последовательно приравнивает понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: сочетание слов *террор и злодеяния* (согласно рецензируемому заключению, данное сочетание слов используется в тексте, вышедшем в свет в 1959 г., для «характеристики жизни российского общества» в контексте «террор и злодеяния, среди которых живет человек за железным занавесом») представляется экспертом как признак антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Описание системы значений существительного *империя* в современном русском языке приведено в настоящем заключении выше. Аналогично изложенному ранее, актуальным для исследуемого экспертом текста является словарное значение «о государстве, превосходящем экономической, военной мощью многие другие государства и способном решать любые проблемы международной политики в своих интересах; сверхдержава». В данном значении присутствуют семантические компоненты ярко выраженной **позитивной** оценки характеризуемого государства как превосходящего в определенных сферах деятельности своих конкурентов.

Негативных (отрицательных) семантических компонентов в приводимых экспертом значениях «монархическое государство с подвластными ему территориями, во главе которого стоит император, императрица» и «крупная империалистическая колониальная держава с ее колониями» в действительности, вопреки голословному утверждению эксперта, не сопровождающемуся указанием на конкретные подобные компоненты, не наблюдается.

Таким образом, содержащийся в рецензируемом заключении вывод о том, что в использовании словосочетаний *российский империализм* и *имперские силы России* выражается отрицательная оценка России, **не основан на общепринятых научных лексико-графических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом брошюры релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и **не являются обоснованными, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к брошюре «Націоналізм — основа майбутнього справедливого світопорядку, Видання Конгресу Українських Націоналістів», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги В. Косика «**Правда історії. Роки окупації України 1939–1944 (Збірник статей)**», он:

- высказывает ряд суждений, описательно характеризующих основное содержание исследуемой книги и не используемых экспертом в дальнейших рассуждениях. Каких-либо речевых фактов, обосновывающих эти суждения, эксперт не приводит;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что оно имеет антироссийскую направленность в части освещения «отношения ООН с советской Россией»;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: **московско-большевистская оккупация** для обозначения советского строя на Украине, **сталинско-большевистский империализм** для обозначения советской власти, **злodeяния** для обозначения деятельности советской власти, **российский империализм** для обозначения советской власти;
- формулирует вывод о том, что содержание исследуемой им книги «служит средством возбуждения межнациональной розни и ненависти». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении последовательно приравнивает понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: словосочетания *московско-большевистская оккупация* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте

для обозначения советского строя на Украине), *сталинско-большевистский империализм* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской власти), *российский империализм* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской власти), *злodeяния* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения деятельности советской власти) представляются экспертом как признаки антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и не являются обоснованными, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге В. Косика «Правда історії. Роки окупації України 1939–1944 (Збірник статей)», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении издания «Визвольний Шлях. Суспільно-політичний науковий і літературний місячник, липень 2000, Кн. 7», он:

- характеризует исследуемое издание как журнал и описывает структуру разделов;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что содержание большинства статей имеет антироссийскую направленность;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *период коммунистического геноцида в СССР* для характеристики советской власти в послевоенный период в прибалтийских республиках, *советская империя* для обозначения советской власти, *палачи московской коммуны* для обозначения советских органов власти, *жидовские приспешники* «для обозначения представителей целой национальности», *российско-большевистские колонизаторы* для обозначения представителей советской власти, *московско-большевистский оккупант* для обозначения представителей советской власти;
- формулирует вывод о том, что исследуемое им издание «содержит материалы, возбуждающие межнациональную рознь и ненависть». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный**

ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.

Прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении последовательно приравнивает понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: словосочетания *период коммунистического геноцида в СССР* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для характеристики советской власти в послевоенный период в прибалтийских республиках), *советская империя* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской власти), *палачи московской коммуны* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советских органов власти), *российско-большевистские колонизаторы* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения представителей советской власти), *московско-большевистский оккупант* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения представителей советской власти) представляются экспертом как признаки антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Специалист затрудняется интерпретировать в соответствии с нормами и правилами современного русского языка суждение эксперта о том, что словосочетание *жидовские приспешники* «является глубоко оскорбительным для обозначения представителей целой национальности». Сведений о контексте данного словосочетания рецензируемое заключение не содержит. Эксперт не считает необходимым указать конкретную национальность, для обозначения представителей которой данное словосочетание является оскорбительным, не приводит конкретного обозначения представителей какой-либо национальности, для какового обозначения данное словосочетание явилось бы оскорбительным. Остается лишь догадываться о том, что эксперт, видимо, по какой-то причине старательно избегает упоминания евреев. С учетом изложенного, данное суждение эксперта **не может быть признано обоснованным**.

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо достоверно описанных им в рецензируемом заключении речевых фактах и не являются обоснованными**.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к изданию «Визвольний Шлях. Суспільно-політичний науковий і літературний місячник, липень 2000, Кн. 7», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями**.

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении издания «Самостійна Україна. Січень — лютий — березень — 2001. — ч. 1/479», он:

- характеризует исследуемое издание как журнал и описывает структуру разделов;

- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что издание имеет антироссийскую направленность;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *московские шовинисты* для обозначения советских войск, *большевицкая оккупация* для обозначения советской власти, *москаль* для обозначения русских, *большевицкий террор* для обозначения советской власти;
- формулирует вывод о том, что исследуемое им издание «содержит материалы, возбуждающие межнациональную рознь и ненависть». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении последовательно приравнивает понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: словосочетания *московские шовинисты* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советских войск), *большевицкая оккупация* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской власти), *большевицкий террор* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советской власти) представляются экспертом как признаки антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как националистических и антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** достоверно описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и **не являются обоснованными.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к изданию «Самостійна Україна. Січень — лютий — березень — 2001. — ч. 1/479», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, ре-**

левантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении брошюры С. Петлюры «Московська Воша: Оповідання дядька семена про те, як московські воші їдять Україну та що з ними треба робити», он:

- характеризует исследуемое издание как брошюру, написанную историческим деятелем (указываются должности, занимаемые автором) в 1925 г., и как исторический «документ своего времени»;
- указывает тему исследуемой брошюры (события революции в России с послереволюционного времени);
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что издание имеет антироссийскую направленность;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *кацап* и *москаль* для обозначения русских, *большевицкие бандиты* для обозначения советских войск, *большевицкие палачи* для обозначения русских;
- формулирует вывод о том, что исследуемое им издание «является средством разжигания межнациональной вражды и розни». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительных *москаль* и *кацап* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Прилагательное *антироссийский* не имеет в современном русском языке значения «антисоветский, направленный против советской власти, направленный против СССР», однако эксперт Е. Ф. Тарасов в рецензируемом заключении последовательно приравнивает понятия *антисоветский* и *антироссийский*. В результате в рецензируемом заключении наблюдается **подмена понятий**: словосочетание *большевицкие бандиты* (согласно рецензируемому заключению, используется в исследуемом экспертом тексте для обозначения советских войск) представляется экспертом как признак антироссийской (вместо антисоветской) направленности исследуемого им текста.

Специалист затрудняется интерпретировать в соответствии с нормами и правилами современного русского языка суждение эксперта о том, что словосочетание *большевицкие палачи* используется в исследуемом экспертом тексте в качестве обозначения рус-

ских. Подобная номинация не соответствует словарным значениям слов, составляющих данное словосочетание, и может носить только контекстно обусловленный характер, однако каких-либо сведений о контексте данного словосочетания рецензируемое заключение не содержит, что препятствует проверке данного суждения и свидетельствует о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как националистических и антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** достоверно описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и **не являются обоснованными.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к брошюре С. Петлюры «Московська Воша: Оповідання дядька семена про те, як московськи воші їдять Україну та що з ними треба робити», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги **О. К. Федорука «Московитія проти України: політика... культура»**, он:

- сообщает биографические сведения об авторе исследуемой книги;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что книга имеет резкую антироссийскую направленность;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что содержание исследуемой экспертом книги «представляет собой обширное собрание обвинений, адресованных России»;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что содержание исследуемой экспертом книги «представляет собой обширное собрание обвинений, адресованных русскому народу»;
- обосновывает указанные выводы указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *сатанинский* и *имперский* для характеристики России, *расистский* и *шовинистический* для характеристики политики России, *тирания* для характеристики России, *гнилая империя на костях и крови* для обозначения России, — а также на факт сравнения России с пауком;
- формулирует вывод о том, что исследуемое им издание «является средством разжигания межнациональной вражды и розни». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Таким образом, **эксперт Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Аналогично изложенному выше, выводы о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) и о том, что содержание исследуемой экспертом книги «представляет собой обширное собрание обвинений, адресованных России», **не имеют значения** для разрешения поставленных перед ним вопросов следствия.

Ни один из приведенных в рецензируемом заключении речевых фактов не содержит каких-либо сведений, подтверждающих вывод эксперта о том, что содержание исследуемой экспертом книги «представляет собой обширное собрание обвинений, адресованных русскому народу». Во всех случаях приведенные экспертом речевые факты действительно выражают негативную характеристику России как государства, однако не содержат какой бы то ни было информации, относящейся к русскому народу, а равно к какой-либо иной этнической общности людей. С учетом изложенного, данный вывод не является обоснованным.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо** достоверно описанных им в рецензируемом заключении **речевых фактах** и **не являются обоснованными**.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге О. К. Федорука «Московитія проти України: політика... культура», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями**.

Описывая исследования, проведенные экспертом Е. Ф. Тарасовым в отношении книги **В. О. Бобровича «Як козаки Кавказ воювали. Щоденник сотника Устима: біографія»**, он:

- сообщает биографические сведения об авторе исследуемой книги;
- формулирует обобщающий в отношении содержания издания вывод о том, что издание имеет антироссийскую направленность;
- обосновывает указанный вывод указанием на факты употребления в тексте исследуемой экспертом книги следующих слов и оборотов: *москаль* для обозначения русских, *российская колония* для обозначения Грузии, которую *оккупировала Россия*;
- формулирует обобщающий в отношении содержания книги вывод о том, что роль России на Кавказе в книге извращается;
- обосновывает указанный вывод указанием на факт употребления в тексте исследуемой экспертом книги выражения *российская колония* для обозначения Грузии, которую *оккупировала Россия*, высказывая суждение о том, что данный речевой факт «искажает смысл исторических событий»;
- высказывает суждение о том, что исследуемая экспертом книга представляет опасность тем, что содержит инструкцию, которая «может быть использована для обучения террористов»;
- формулирует вывод о том, что исследуемое им издание «может быть использовано для разжигания межнациональной вражды и ненависти». Данный вывод носит **правовой характер**, свидетельствует о **выходе эксперта за пределы его специальной компетенции**, что подтверждается позицией, выраженной в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской

направленности». Таким образом, эксперт **Е. Ф. Тарасов нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.**

Аналогично изложенному выше, выбор экспертом при исследовании текста на украинском языке при интерпретации существительного *москаль* словарного источника, описывающего лексику современного русского языка, является следствием описанного в настоящем заключении отказа эксперта Е. Ф. Тарасова от общепринятого в лингвистической судебной экспертизе подхода к содержанию литературного (художественного, публицистического и т. п.) текста как к информации (фактической, оценочной, концептуальной, директивной и т. д.), **объективно** выражаемой этим текстом, выявляемой на основе норм и правил языка, на котором исполнен текст, и являющейся общей для всех дееспособных носителей этого языка, является также следствием описанного в настоящем заключении противоречия между двумя принятыми Е. Ф. Тарасовым в качестве методических положений допущениями.

Аналогично изложенному выше, вывод о направленности исследуемых экспертом Е. Ф. Тарасовым текстов как антироссийских (направленных против России как государства, юридического лица, субъекта международного права) **не имеет значения** для решения поставленных перед ним вопросов следствия.

Применяемые экспертом суждения о том, что исследуемая им книга содержит сведения, искажающие и извращающие исторические и политические факты, с очевидностью выходят за пределы компетенции специалиста в области психолингвистики, каковым является эксперт, а равно не относятся к компетенции специалистов в области культурологии, вероятно, могут быть отнесены к компетенции историков и (или) политологов.

Применяемое экспертом суждение о том, что исследуемая им книга содержит инструкцию, которая «может быть использована для обучения террористов», с очевидностью выходит за пределы компетенции специалиста в области психолингвистики, каковым является эксперт, а равно не относятся к компетенции специалистов в области культурологии, вероятно, могут быть отнесены к компетенции специалистов в области военного дела и (или) охраны правопорядка.

Рекомендации, изложенные в п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г., предусматривают возможность привлечения при необходимости историков, политологов и экспертов иных специальностей к производству комплексных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, **историки**, религиоведы, антропологи, философы, **политологи и др.**). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Действующее законодательство предусматривает право эксперта ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (ст. 16 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), однако из представленных материалов вытекает, что эксперт Е. Ф. Тарасов этим правом не воспользовался.

Таким образом, при получении выводов, относящихся к данному исследуемому тексту, эксперт Е. Ф. Тарасов **вышел за пределы своей специальной компетенции, чем нарушил закрепленный ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-**

экспертной деятельности в Российской Федерации» принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.

С учетом изложенного, все относящиеся к содержанию текста данной исследуемой экспертом книги релевантные для разрешения поставленных перед экспертом вопросов выводы **не основаны на каких-либо достоверно описанных им в рецензируемом заключении речевых фактах и не являются обоснованными.**

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в подразделе рецензируемого заключения, относящемся к книге В. О. Бобровича «Як козаки Кавказ воювали. Щоденник сотника Устима: біографія», **не имеется относящихся к содержанию текста книги выводов, релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов, которые были бы достоверными и обоснованными и подтверждались описанными экспертом исследованиями.**

В разделе **«ВЫВОДЫ»** рецензируемого заключения эксперт Е. Ф. Тарасов дает ответы на поставленные перед ним вопросы.

Данные экспертом положительные ответы на вопросы №№ 1–3 содержат **подмножество сформулированных в исследовательской части заключения промежуточных выводов**, описанных в настоящем заключении, **как правило, без указания на конкретные материалы, к которым эти выводы относятся.**

Отвечая на все поставленные перед экспертом вопросы, эксперт **не формулирует отдельные выводы по каждому из представленных на экспертизу материалов**, формулируя ответы в отношении их совокупности. Особо выделяются экспертом лишь компакт-диски «Хто живий» и «публикации Д. Донцова и Є. Гуцало» при ответе на вопрос № 2 как материалы, содержащие, согласно выводу эксперта, в отличие от иных представленных на экспертизу материалов те или иные призывы, а также книга Дж. Сороса и семьи выпусков журнала «Барвінок» при ответе на вопрос № 4 как материалы, на которые не распространяется данный экспертом положительный ответ на данный вопрос.

Кроме того, при ответе на вопрос № 2 эксперт использует описательную конструкцию «все проанализированные публикации, трактующие проблемы украинского национализма», обозначающую некое подмножество представленных на экспертизу материалов, к каковому подмножеству относится вывод эксперта о формировании «атмосферы вражды к русским».

Полная содержательная оценка **ответа эксперта на вопрос № 4** в целом не относится к компетенции специалиста-лингвиста, однако рецензент полагает существенным отметить то обстоятельство, что интерпретация употребляемого экспертом Е. Ф. Тарасовым словосочетания *националистические установки против россиян* на основе норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ является затруднительной, поскольку существительное *россияне* не относится в современном русском языке к лексической категории существительных, обозначающих группу лиц, выделяемую по национальному (этническому) признаку, выступая как обозначение группы лиц по признаку подданства (гражданства). Существительное *россияне*, таким образом, не является в современном русском языке обозначением какой-либо национальной (этнической), расовой, религиозной (конфессиональной) или социальной группы, в связи с чем **соответствие ответа эксперта на вопрос № 4 собственно указанному вопросу представляется рецензенту (специалисту) сомнительным.**

Выводы

1. В представленном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 **не нашла своего отражения часть исходных данных**, которые находились в распоряжении эксперта при производстве экспертизы, что ставит под **сомнение объективность** представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-экспертной деятельности.

2. **Специальная компетенция эксперта Е. Ф. Тарасова** (область психолингвистики) **не соответствует** содержащемуся в постановлении о назначении экспертизы требованию о привлечении к производству экспертизы специалиста в области культурологии.

3. Производство экспертом Е. Ф. Тарасовым комплексной экспертизы как единоличной **грубо нарушает** требования **ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**, определяющей комплексную судебную экспертизу как комиссионную (а следовательно, производимую не менее чем двумя экспертами) судебную экспертизу, проводимую экспертами разных специальностей.

4. Если сведения о предоставленных в распоряжение эксперта материалах, содержащиеся в постановлении следователя Е. А. Евменова о назначении экспертизы, по результатам которой было составлено представленное заключение эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016, соответствуют действительности (на экспертизу действительно было представлено 157 печатных изданий и иных подлежащих исследованию материалов), то при производстве экспертизы, по результатам которой было составлено указанное заключение эксперта Е. Ф. Тарасова, экспертом **нарушен принцип полноты** экспертного исследования, закрепленный **ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»**.

5. Если сведения о предоставленных в распоряжение эксперта материалах, содержащиеся в постановлении следователя Е. А. Евменова о назначении экспертизы, по результатам которой было составлено представленное заключение эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016, соответствуют действительности (на экспертизу действительно было представлено 157 печатных изданий и иных подлежащих исследованию материалов), то можно констатировать, что в указанное заключение эксперта Е. Ф. Тарасова экспертом включены **ложные сведения** об объеме представленных на исследование материалов.

6. В представленном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 **отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений терминов**, которыми пользуется эксперт, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования.

7. **Правовая база** исследования определена экспертом **некорректно**. В частности, эксперт **игнорирует изменения, внесенные в текст федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»**, связанные в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона **определений, цитируемых в представленном заключении** эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 при изложении теоретических оснований, на которые он опирается при производстве данной экспертизы. В ряде случаев использование лингвистической терминологии не соответствует ни одному из применяемых в лингвистической экспертизе и в лингвистике вообще определений. В частности, принятое экспертом определение **призыва разительно отличается от предложенного Верховным Судом РФ** определения публичных призывов

как выраженных в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) **обращений к другим лицам с целью побудить их к осуществлению** экстремистской деятельности.

9. В представленном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 наблюдается **противоречие в исходных методических положениях (принятых экспертом допущениях)**, свидетельствующее о **порочности методического подхода**, использованного в рецензируемом заключении, и о **нарушении экспертом принципов проверяемости и объективности экспертного исследования, закрепленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Представленный в указанном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова анализ продуктов речевой деятельности **не основан на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических данных**, что прямо **противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

В указанном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова наблюдаются также **иные множественные случаи нарушения указанных принципов.**

10. В представленном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 наблюдаются множественные случаи **выхода эксперта за пределы его специальной компетенции, в том числе выводы правового характера и суждения, с высокой вероятностью относящиеся к компетенции специалистов в областях истории, политологии, экономики, военного дела, охраны правопорядка, что свидетельствует о допущенных при производстве данной экспертизы множественных нарушениях закрепленного ст. 7 и 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятель-**

ности в Российской Федерации» принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.

Указанное заключение эксперта Е. Ф. Тарасова составлено по результатам производства экспертизы, назначенной и проведенной без учета рекомендаций по определению компетенции экспертов, сформулированных в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

11. В тексте исследовательской части представленного заключения эксперта Е. Ф. Тарасова от 20.04.2016 имеется множество промежуточных выводов (значительная часть этих выводов используется экспертом при формулировании ответов на поставленные следствием вопросы), которые не являются обоснованными и (или) достоверными, что свидетельствует о **несоблюдении экспертом принципов объективности и проверяемости исследования, установленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности».**

В тексте исследовательской части указанного заключения эксперта Е. Ф. Тарасова наблюдаются множественные случаи ярко выраженной **подмены понятий**, что также свидетельствует о **несоблюдении экспертом принципов объективности и проверяемости исследования.**

Сформулированные в указанном заключении эксперта Е. Ф. Тарасова **ответы на вопросы следствия** в части, относящейся к текстам исследованных экспертом материалов (оценка выводов, относящихся к изобразительным объектам, не относится к компетенции специалиста-лингвиста), **не основаны на релевантных для разрешения поставленных перед экспертом вопросов достоверных и обоснованных промежуточных выводах и суждениях эксперта, которые подтверждались бы описанными в исследовательской части заключения эксперта исследованиями.** Таким образом,

ответы эксперта на вопросы следствия в части, относящейся к текстам исследованных экспертом материалов, не соответствуют проведенному экспертом исследованию и не являются обоснованными.

- Приложение:**
1. копия свидетельства эксперта № 063-01/14-сэ;
 2. копия диплома с отличием о высшем образовании РВ № 579491;
 3. копия диплома кандидата филологических наук КТ № 017433;
 4. копия удостоверения № 0121 начальника научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»;
 5. копия благодарственного письма № СИ-9/561 от 14.04.2015 Председателя Суда по интеллектуальным правам;
 6. копия общегражданского паспорта 40 12 № 609947;
 7. копия с. 374-375 словаря «Українсько-російський словник» Г. Ижакевича и др. и листа с выходными данными.

Специалист

И. В. Жарков